

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

УДК 101.11

О ГИПОТЕЗЕ ПЛОТНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

© Игорь Алексеевич ФЕДОРОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор социологических наук,
профессор кафедры теоретической и прикладной социологии,
e-mail: malero1410@mail.ru

Описана возможная гипотеза природы исторического времени как особого варианта времени природного, причем базовой характеристикой именно исторического времени принимается особая нелинейная взаимосвязь исторических причин и следствий, формальным же критерием такой взаимосвязи выступает еще одно особое свойство исторического времени – его «плотность». Такая «плотность» выражается не только в простой сумме исторических событий в какой-то период, но и через определение роли субъективного фактора в происхождении таких событий. Иными словами, чем естественнее и традиционнее происхождение исторических событий и, тем более, промежутков между ними, тем меньше «плотность» исторического времени. Даются некоторые индикаторы именно бифуркационных периодов общественной жизни, когда резко растет роль субъективного фактора, совокупной воли людей. При этом вполне корректно рассматривать само историческое время как причину создающих или разрушительных тенденций в такие периоды. В качестве таких индикаторов предлагается целый ряд социальных и социально-психологических дескрипторов: появление и распространение радикальных идей или откровенных утопий, рост значимости девиантных ценностей, изменение отношения к прошлому страны и т. д.

Ключевые слова: историческое время; «плотность» исторического времени; пассионарный толчок; график этногенеза Л. Гумилева.

В истории науки очень мало тем, сравнимых по популярности с исследованиями природы, форм и закономерностей времени. Не раз отмечалась удивительная широта и сложность гипотез природы времени уже на самом старте таких разработок. Это и удивительно красивые мысли пифагорейцев о сходстве времени и музыки, причем такая взаимосвязь обнаруживается и в современной теории суперструн, и мысли Платона о полюсности, контрарности времени и «Ничто», о возможности «нулевого времени» при созерцании, состоянии нирваны, в мгновенном поведенческом выборе и др. [1].

По приблизительным подсчетам только явно не сводимых друг к другу концепций природы времени никак не менее пятидесяти. Естественно, даже простой обзор их требовал бы отдельного исследования.

Разумеется, все это жестко требует интеллектуального выбора в определении своей позиции в сложнейшем (не исключено, что и

самом сложном в современной науке) вопросе о природе времени. В данном случае, сущностными характеристиками времени признавались:

– весьма вероятное существование при признании резонности и фундаментальности небезальтернативной теории Большого взрыва, «сотворения времени», т. е. такого бытия мира, когда ни времени, ни закономерностей, ни самой детерминации в «инфляционной», ранней Вселенной еще не существовало;

– важнейшая, изначальная функция времени, – совмещение случайностей, простой детерминации и закономерностей таким образом, чтобы причины и следствия никогда не существовали в одной точке, даже на уровне тахионов, «атомов времени»;

– во всей обозримой Вселенной возможны аномалии времени, особенно вблизи массивных объектов («черные дыры», нейтронные звезды, «кernы» галактик и др.), но на межгалактических и межзвездных рас-

стояниях законы «универсального ньютоновского времени» почти выдерживаются;

– математический аппарат таких зависимостей показывает, к неудовольствию заметного числа физиков, что путешествия во времени теоретически возможны;

– *n*-мерность известного мира не позволяет утверждать ничего определенного за пределами известных четырех измерений. Наиболее же вероятное число существующих измерений – 11, так что для семи из них, существующих только на уровне микромира, отношения со временем не слишком ясны; во всяком случае, существование сквозного для измерений времени ничем пока не доказано;

– не менее неясно такое отношение и для «темной материи», «темного вещества», «вакуумной пены» и др.

Фундаментальной, универсальной и даже наиболее популярной теории времени пока не существует. Поэтому выберем в качестве исходной и наиболее важной для дальнейшего анализа характеристикой времени именно необходимость разнесения причин и следствий, т. е. принципиальные возможности «детерминистских цепочек», что, однако, не отрицает существования случая не просто как непознанной закономерности, но как другой стороны диалектического противоречия самого движения и структуры мира.

В любом случае, сложности в понимании природы времени асимптотически увеличиваются при попытках понять природу времени собственно исторического.

Логически рассуждая, здесь возможны лишь несколько принципиально отличных интеллектуальных позиций.

1. Никакого качественного особого исторического времени не существует. Все происходящее в истории общества, человеческих общностей и отдельных людей просто разыгрывается на своеобразной «шахматной доске» общего, единого, «космического» времени.

2. Историческое время наследует упоминавшиеся особенности такого «космического времени», но имеет дополнительные мощные неопределенности, связанные со свободой человеческой воли, которая имеет свою логику, цели и идеал. Поэтому историческое время может менять скорость, формально повторять событийные морфемы, образуя т. н. «петли временных зависимостей»,

даже образовывать своеобразные «нисходящие бифуркации», когда вмешательство людей заметно меняет законы «космического времени», и т. д.

3. Историческое время вообще имеет мало общего с чем бы то ни было, оно порождается самой природой разума.

Нам ближе именно вторая интерпретация природы исторического времени, невзирая на возможные упреки в излишней мировоззренческой компромиссности.

Впрочем, по мысли И. Гете, между крайностями находится не истина, а проблема. При данной методологической позиции автоматически подразумеваются следующие фундаментальные ориентиры.

1. В истории всегда можно найти периоды, где сравнительно мало того, что историки считают «событиями»; как иногда писали русские летописцы о таких периодах: «ничто же бысть». Иными словами, в такие периоды аномально велика роль традиций, ритуалов, привычного уровня, качества и стиля жизни. Разумеется, логика жизни социальных общностей в такие периоды не вещественна, но она достаточно ощутима, чтобы обоснованно говорить о плавности, «естественности» исторического времени.

Подчеркнем, что такая «невещественная логика» не всегда понятна для очевидцев уже потому, что она усредняет, блокирует отдельные человеческие трагедии, острую, но обычную борьбу за власть, привилегии и др. Таких периодов достаточно много, например, в истории Древнего Китая, Индии, Египта; все это прямо ассоциируется с ньютоновской трактовкой универсальности, однородности времени в природе.

2. Совсем по-иному обстоит дело в бифуркационные, революционные периоды истории, когда огромные массы людей охвачены глобальными идеями националистского, коммунистического, фашистского толка. При всей разнице таких идей состояние общества все больше определяется тем, что явно противоречит упоминавшемуся «естественному» историческому времени. Выдвигаются явно утопические идеи (например, мирового господства, планетарного мусульманского государства, построение коммунизма в двадцать лет и др.), само общество явно неадекватно оценивает свой реальный потенциал, что в социальной психологии иногда называют

эффектом «вавилонской башни». Все это резко меняет ход исторического времени, оно даже не столько тормозится, сколько фрагментируется.

Подчеркнем, однако, что политический и военный крах таких попыток никак еще не доказывает их исчезновение в будущем; *протест против плавности исторического времени является, возможно, одним из атрибутов разума.*

3. Внутри таких бифуркационных периодов истории практически всегда можно выделить два этапа: чистой бифуркации, явного обрыва предшествующей парадигмы исторического времени, и нисходящей бифуркации, когда плавность исторического времени постепенно восстанавливается.

Примерами могут служить поздняя наполеоновская эпоха, совершенно чуждая романтики якобинства и эбертизма, бюрократизация в послевоенную советскую эпоху. Более того, представляется неизбежной такая «реставрация плавности исторического времени» при отсутствии внешнего вмешательства в современных Ираке, Египте, Ливии, Украине.

4. История показывает и некоторую вероятность совсем уже аномальных сгущений исторического времени, что вызывает ассоциации с преодолением «горизонта событий» вблизи «черных дыр», например, небывалая катастрофа в Кампучии, во времена Пол Пота и Йенг Сари, когда, против всякого здравого смысла, правительство устроило геноцид собственного народа.

Разумеется, перечень таких характеристик можно продолжить, но и приведенного перечня достаточно, на наш взгляд, для постулирования возможности и важности введения в категориальный аппарат современной социологии категории «плотности» исторического времени. В первом приближении это можно выразить простейшей формулой, дробью, где в знаменателе находится общее число исторических событий (или того, что эксперты считают таковыми) за достаточно длительный период, а в числителе – число таких событий, в ходе которых те же эксперты считают очевидной решающую роль именно субъективного фактора, совокупной групповой воли людей по изменению своих жизненных сценариев, сколь бы ужас-

ными и утопичными не казались образы, порожденные этой волей.

Разумеется, такая дробь всегда будет меньше единицы. В беседах со многими историками, философами, культурологами не раз слышалось мнение, что такая зависимость, меньше единицы, величайшее благо для цивилизации.

Иными словами, многие из них считали, что революционное вмешательство в ход исторического времени всегда кончается плохо, и очень печально, что такие попытки повторяются и сейчас.

Думается, что такой вывод слишком односторонен. Как ни странно звучит тезис о том, что не только политические, но и социальные революции представляют собой, в сущности, *попытки управлять историческим временем*, они будут повторяться снова и снова, поскольку даже элементы, дальние признаки фатальности жизненных сценариев (например, для бедных или слишком богатых людей, для рецидивистов, для эскапистов и др.) нестерпимы для большинства людей.

Можно, разумеется, назвать и дополнительные характеристики «плотности» исторического времени:

– «глубина проникновения». Этот термин выражает степень бифуркационного обрыва исторического времени, – ведь изменение упоминавшейся «естественности исторического времени» не происходит мгновенно, и вполне возможен вариант проникновения его как бы сверху вниз, по линиям социальной горизонтальной и вертикальной стратификации, – так понимаем, например, период т. н. «триумфального шествия Советской власти»;

– «граница плотности исторического времени». Такое понятие описывает степень масштабности упоминавшейся бифуркации исторического времени, например, окончившиеся неудачей революционные события начала XX в. в Германии, Венгрии, Китае вполне могут быть приняты в качестве такой границы;

– «период нисходящей бифуркации исторического времени» описывает печальную закономерность вырождения, как уже отмечалось, попыток сделать определяющей исторической силой совокупную социальную волю. Подчеркнем, что понятия «совокупный интерес» и «совокупная воля» вовсе не тож-

дественны. Первый может складываться стихийно, вторая же подразумевает наличие организаций, выражающих и символизирующих такую волю;

– «петли исторического времени», когда многие процессы внутри бифуркации исторического времени формально похожи друг на друга, хотя и разделены во времени, например, репрессии в ходе гражданской войны и конца 1930-х гг., нэпа и «хрущевской оттепели» и др.

Такие процессы вполне представимы и в будущем. Впрочем, надо отметить и ряд процессов, которые ставят такое утверждение под сомнение: заметная стандартизация духовной жизни населения (феномен «серой экологии» П. Вирильо), бурное развитие нейро-лингвистического программирования [2], виртуализация идеалов молодежи [3], бурный рост доли шизоидов и некрофилов в сумме населения, что обещает ситуацию, когда именно они, а не мещане станут основой будущей государственности [4], трансформация механизмов «современной толпы» [3], симулякрзация современной рекламы, клипов, брендинга и имиджмейкинга. Что ж, проживем – увидим. Как говорил Л. Гумилев: «Все мы отлично понимаем, что такое историческое время, пока нас об этом не спрашивают».

Как отмечал Э. Канетти: «У моря нет внутренних границ, оно не делится на народы и страны. У него один язык, повсюду тот же. Нет, так сказать, ни единого человека, который мог бы из него выделиться. Оно слишком всеохватно, чтобы точно соответствовать какой-нибудь из известных нам масс» [3, с. 109]. Видимо, такой образ моря полнее всего символизирует качество исторического

времени, поскольку «массовое движение скользит по поверхности больших чисел: в толпе чувствуют себя в безопасности, вера в множество должна быть истиной, стремиться нужно к тому же, чего желает большинство, – ведь это всем потребно, а потому не может не быть благом. Желание толпы – вот принудительная власть» [5, с. 141].

Более того, единое качество исторического времени должно постоянно учитывать и упоминавшиеся бессобытийные периоды истории, поскольку обратная позиция «рассыпает в прах и уничтожает все проблемы, вместо того, чтобы решать их» [6, с. 119].

1. Чанышев А.С. История античной философии. М., 1980.
2. Федоров И.А. Имидж как программирование поведения людей. Рязань, 1997.
3. Канетти Э. Масса и власть. М., 2012.
4. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность. М., 2001.
5. Юнг К.Г. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее. М., 1995.
6. Янкевич В. Ирония. Прощение. М., 2004.

1. Chanyshev A.S. Istoriya antichnoy filosofii. M., 1980.
2. Fedorov I.A. Imidzh kak programmirovaniye povedeniya lyudey. Ryazan', 1997.
3. Kanetti E. Massa i vlast'. M., 2012.
4. Delez Zh. Empirizm i sub'ektivnost'. M., 2001.
5. Yung K.G. Analiticheskaya psikhologiya. Proshloe i nastoyashchee. M., 1995.
6. Yankelevich V. Ironiya. Proshchenie. M., 2004.

Поступила в редакцию 31.10.2014 г.

UDC 101.11

ABOUT HYPOTHESIS OF DENSITY OF HISTORICAL TIME

Igor Alekseyevich FEDOROV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Sociology, Professor of Theoretical and Applied Sociology Department, e-mail: malero1410@mail.ru

The possible hypothesis of nature of historical time as a special variant of the natural time, and it is a basic characteristic of historical time to take special nonlinear relationship of historical causes and effects, as the formal criterion of such a relationship serves another special property of historical time – its “density” is described. This “density” is not just expressed as the simple sum of the historical events in a certain period, but a definition of the role of the subjective factor in the origin of such events. In other words, the natural and traditional origin and historical events, especially the spaces between them, the less the “density” of historical time is. Some indicators namely bifurcation periods of public life, when sharply rising role of the subjective factor, the aggregate will of the people are provided. It is quite correct to consider itself as the cause of historical time builds or destructive tendencies in such periods. As such indicators, a number of social and socio-psychological descriptors are suggested: the emergence and spread of radical ideas or explicit utopias, the growing importance of deviant values, a change of attitude to the past of the country, etc.

Key words: historical time; “density” of historical time; passionate impulse; schedule of ethnogenesis of L. Gumilev.